

Император чувствовал, что он уже вырос, поистине вырос! Даже столкнувшись с таким обращением, сейчас он думал лишь о том, чтобы вытолкать виновника всех бед за Полуденные Врата. Он больше не помышлял ни о конфискации имущества, ни о каторге, ни о прочих жестоких мерах — так что, Юэ Инъян, раз уж заварил эту кашу ты, а твою семью он даже не стал преследовать в наказание, можешь спать спокойно...

Но, взглянув на Юэ Инъяна, который спал без задних ног на уже убранном, чистом и мягком ложе, Император вновь подумал, что если он собственноручно придушит его, это наверняка принесет ему куда больше облегчения!

Он уже медленно протянул руки к той самой шее Юэ Инъяна, на которую было так невыносимо смотреть, как вдруг заметил, что на него кто-то смотрит! Причем смотрит совершенно бесстрашно и прямо! И пусть он был Императором, но «среди бела дня», под пристальным взглядом другого человека, совершать над ним убийство, казалось, все же не входило в список того, что ему следовало делать. Поэтому он остановился, замер над Юэ Инъяном и посмотрел, как тот шевельнул губами.

— Мм? — В конце концов, он все-таки мог позволить ему вымолвить перед смертью какие-нибудь последние слова, например, покаяться перед ним или вроде того... Именно поэтому он, потеряв бдительность, снова подался головой ближе к губам Юэ Инъяна...

— ...Сдохну... с голоду...

Как же он сокрушался, кусая локти от раскаяния! Это ж надо было помрачиться рассудком до такой степени, чтобы поверить, будто Юэ Инъян способен изречь что-то членораздельное!

— Эй, кто там! Приволоките сюда запеченную свиную голову! Да побольше!

Посмотрим, не лопнешь ли ты, прожорливый призрак, переродившийся голодником! Император не выдержал и вылетел прочь.

Причина, по которой он изначально выбрал для всего этого Титурованный кабинет, теперь казалась совершенно бессмысленной. Ведь у Юэ Инъяна было настолько толстокожие нервы, что он мог преспокойно заявить Императору о своем голоде! В такой башке, пожалуй, просто не умещалось столько давних обид и воспоминаний! Будь оно все проклято, чем он вообще занимался все это последнее время...

Император, кажется, ушел, ха-ха. Стоило ли считать терпением то, что он выносил подобные унижения, или его выдержка просто вышла на новый уровень? Впрочем, похоже, и его собственному терпению приходил конец, он уже едва держался на ногах. В этот раз он одержал лишь мимолетную победу, но что будет в следующий раз? Кто знает, может, он сломается еще до того, как настанет час победы.

Глаза, устремленные на расписанный драконами, плывущими среди рек и озер потолок

Титурованного кабинета, саднило от напряжения.

Сколько раз он уже рассматривал эту роспись? Он мог бы с закрытыми глазами перечислить цвета каждой чешуйки на теле дракона или форму каждого облачка внизу.

Сколько раз он рассматривал эту роспись — столько же раз Император сковывал его цепями.

Император тогда был совсем ребенком... Так говорил себе Ли Цюаньшунь, пытаясь утешить его после самого первого раза. В тот год Император еще носил титул наследного принца, покойный император был жив, а самому Юэ Инъяну исполнился двадцать один год, и он только что сдал императорский экзамен на звание лучшего боевого цзюйжэня...

Сегодня был самый радостный день во всем поместье генерала, ведь единственный сын старого генерала сегодня был лично пожалован Императором званием лучшего боевого цзюйжэня нынешнего призыва!

Юэ Инъян был поздним ребенком. Старый генерал вечно твердил, что на его веку было слишком много смертей и грехов, поэтому по судьбе детей ему не положено, но Будда сжалился над его добрыми делами и послал ему сына на старости лет. Маленького господина Юэ растили в атмосфере всевозможного баловства, тряслись над ним, боясь уронить или растопить, но он чудом не перенял ни единой дурной привычки избалованных золотой молодежи. Напротив, с самого детства он перенял у отца непреклонную праведность и неподкупную честность. А сегодня он благодаря собственным силам блестяще сдал экзамен на лучшего боевого цзюйжэня, и даже сам Император, взглянув на него, не скупился на похвалы. Так что сегодня старый генерал радовался так, что у него даже усы подрагивали.

— Войдешь в Титурованный кабинет — держи голову ниже. Пока Император не велит поднять взгляд — не смей поднимать, иначе нарушишь правила. Что бы Император ни сказал — на все отвечай, и даже если он расщедрит на похвалу, не вздумай возгордиться до небес. То место не сравнится ни с каким другим, перед тобой сам Сын Небесный. — Старый генерал был ветераном еще тех времен, когда Династия Шэн не вошла в Вэйчэн. Теперь он удалился на покой и все надежды семьи возлагал на этот единственный росток.

— Сыновья сердце понял, отец.

К счастью, собственный сын не подвел. Тремя днями ранее он слышал, как лекарь Сун жаловался на никчемность своего отпрыска, который и в подметки не годится его Инъяну.

— Ладно, ступай! Отец больше не может тебя провожать. — Старый генерал остановился у ворот императорского города и проводил взглядом сына, шагающего по светлой и широкой дороге.

— Хорошо, хорошо! Генерал, у славного отца и сын под стать! Поистине, Я не ошибся в тебе! — Вновь увидев статного и величественного Юэ Инъяна, Император снова восхитился тем, что

его верный ветеран на старости лет обзавелся таким сыном.

— Юэ, любимый подданный, как поживает старый генерал? — Талантливые полководцы и мудрые сановники, что некогда помогали ему брать Вэйчэн, уже не стояли рядом с ним. Похоже, он и впрямь постарел.

— Благодарю Ваше Величество за заботу, отец чувствует себя прекрасно, лишь тревожится оттого, что больше не может служить преданно Вашему Величеству. — Юэ Инъян действительно даже не поднимал головы, впрочем, внешность Императора его ни капли не интересовала.

— С такими помыслами с тебя достаточно, пора бы генералу и дома отдохнуть... — Император уже собирался заговорить снова, как у входа в Титурованный кабинет послышался шум.

— Я хочу ворваться во дворец! — Вбежавший юноша был еще подростком, но с бесстрастным лицом противостоял Императору, а от его настойчивости веяло непреклонностью: он словно не собирался отступить, пока не добьется своего.

— Не позволю! — Голос Императора мгновенно помрачнел, не оставляя ни малейшего пространства для возражений. — Если приглянулось что-то, если чего-то хочешь — прикажи слугам доставить во дворец, но покидать стены дворца нельзя.

— Я ничего не хочу из этого. — Юноша смотрел прямо на Императора, но понимал, что его желание исполнить не удастся.

— Тогда я хочу дочь чиновника Хуан. — Юноша своим взглядом давал понять, что ему вовсе не нужна эта женщина, он лишь стремился вновь бросить вызов.

В этот момент Юэ Инъян всё же поднял голову: ему до безумия хотелось взглянуть на того юнца, что смел вести себя столь дерзко и предъявлять Императору столь капризные требования.

— Завтра же вели чиновнику Хуан прислать его дочь во дворец, а теперь убирайся отсюда! — Что за бесстыдство — устраивать цирк на глазах у посторонних! Во взгляде Императора стали сгущаться грозные тучи перед бурей.

— Не хочу, не хочу! Больше не надо! — Юноша побежденно развернулся и нос к носу столкнулся с осуждающим взглядом Юэ Инъяна. Мало того, что сегодня ему не удалось вырваться из дворца, так еще и какой-то сопливый офицер из свиты отца смеется над ним! Подросток пришел в ярость, но устраивать сцену на месте не стал. Лишь резко повернувшись обратно, он ткнул пальцем в Юэ Инъяна и заявил:

— Я передумал, выбираю его!

Лишь из-за мимолетного вызова, брошенного тогда наследным принцем Императору, Юэ Инъян был обречен стать жертвой императорского рода и взойти на жертвенный алтарь.

В глазах Юэ Инъяна старый император, еще мгновение назад казавшийся заботливым министром, величественным, но не лишенным отеческой теплоты, в одно мгновение исказился до неузнаваемости. Вот она, оказывается, какая — династия, которой его клан Юэ поклялся служить верой и правдой до конца дней.

— За что? — Хоть Юэ Инъян и понимал, что ответа не получит, он все равно, с покрасневшими глазами, прошептал этот вопрос, когда Император прямо при нем отдал приказ отправить его в покои наследного принца.

— Потому что он — наследный принц, а в будущем — Император, которому ты будешь служить. — Вот какой ответ он получил тогда. Старый император бросал эти слова ему в лицо, словно поодиночке выбивая зубы!

Лишь потому, что наследный принц — это наследный принц, будущий правитель, которому дозволено творить всё, что вздумается, его самого отряд гвардейцев волок в покои принца, словно паршивую собаку.

Но по-настоящему его сломало то, что уже на выходе из Титурованного кабинета он услышал, как Император отдает распоряжение стоявшему рядом евнуху: «Нрав этого раба еще не изучен, возьмите цепь и привяжите его, как бы он не покалечил наследного принца».

И вот его целых три года сковывала цепь, отлитая из чистого золота! Он был всего лишь наследным принцем присмотренным, но еще не утратившим дикий нрав рабом... нет, собакой! Те, кто сковывал его цепями, были рабами, а он даже этого не стоил!

Каково это — когда ребенок на семь лет младше тебя, ростом не достигающий даже твоей груди, без каких-либо церемоний входит в твое самое интимное место сзади?

Юэ Инъян чувствовал лишь оцепенение. С тех пор как он осознал себя псом, в нем не осталось никаких чувств — нервные реакции свойственны людям, а собаки подобного не боятся.

Поэтому он знал: тяжелее всех в тот момент приходилось наследному принцу. Его сухой, не смазанный проход с трудом скользил по набухшему члену, и лишь с третьей попытки принцу удалось войти до конца, но кровь, сочившаяся из тела Юэ Инъяна, насквозь пропитала белые шелковые простыни.

В тот раз наследный принц так и не смог кончить.

К счастью, Юэ Инъян к тому моменту уже потерял сознание от боли — иначе он наверняка рассмеялся бы, и тогда, пожалуй, нынешнего Юэ Инъяна просто не существовало бы.

Больше всего его поражало то, что, пережив столь неприятный опыт, наследный принц вовсе не отступился! Когда имперские лекари подтвердили, что Юэ Инъян не умрет и еще сможет послужить наследному принцу, тот раздобыл где-то горы баночек и склянок, щедро измазав ими Юэ Инъяна с головы до ног, изнутри и снаружи, и в конце концов добился своего.

А затем потянулись долгие семь лет.

Юэ Инъян и сам не понимал, как ему удалось вынести эти семь лет.

Единственным утешением было то, что начиная с третьего года наследный принц перестал сажать его на цепь. Он милостиво разрешил обращаться с ним как с человеком — стоило ли ему пасть ниц и благодарить за столь великую милость? Разве что в те редкие моменты, когда он гневал наследного принца — тогда цепь возвращалась неизменно, а местом действия вместо покоев принца становился Титурованный кабинет! Поскольку покойный император уже сильно постарел, наследный принц задолго до того, как народ узнал об этом, фактически стал полновластным хозяином Титурованного кабинета.

Еще год спустя старый император скончался, и наследный принц закономерно взошел на трон. Воспользовавшись крошечным поводом — неповиновением императорскому приказу — он понизил Юэ Инъяна с должности наставника наследного принца до скромного военачальника Сюаньцзе! Дав ему право командовать войсками и вести людей в бой! И хотя формально это было понижением, для него это стало величайшей милостью. Впервые в жизни он опустил на колени и искренне, со слезами благодарности на сердце, возблагодарил государя за милость.

Раз уж ему позволили командовать войсками, он при первой же возможности рвался на поле боя, сражался на пределе сил, совершал подвиги и получал повышения. И вот теперь он — Великий генерал, утверждающий величие, хотя никто и подумать не мог, что на императорской постели он по-прежнему остается всего лишь псом! Спустя семь лет он по-прежнему лежал на кушетке в кабинете Императора, прикованный золотой цепью, которая не давала ему пошевелиться.

Юэ Инъян поднял руку, насколько позволяла цепь, и прикрыл саднящие глаза. Император всё же немного ему уступал: иначе, стоило бы Юэ Инъяну сейчас не сдержать слёз, хлынувших из глаз, как тот начал бы громко потешаться над ним, разом сводя все старые счёты.

Стояла поздняя осень, но глубоко в стенах дворца, где воля человека явно брала верх над природой, всё ещё буйствовала весенняя и летняя зелень, соревнуясь в красоте. Внезапно пронёсся извилистый осенний порыв ветра, и деревья, усыпанные розовыми цветами персика, всё же не смогли избежать своей участи — осыпаться, подобно невесте, выдаваемой замуж без участия сватов.

Широкая кровать у самого окна была укрыта полупрозрачными белыми пологам, создававшими манящий, ускользающий образ.

Из-за полога внезапно вытянулась обнажённая рука с чётко очерченными суставами.

Казалось, она должна была нарушить эстетическую гармонию картины, но из-за той небрежной лени, с которой держал её хозяин, это выглядело странно и уместно.

Рука так и осталась лежать на краю кровати, словно у владельца не осталось сил её убрать, или же будто её нарочно положили именно туда.

Спустя некоторое время из-за полога показалась вторая рука — такая же крупная и сильная, но куда более гладкая и белая, что свидетельствовало о том, что эти руки принадлежали двум разным людям. Вторая рука легла прямо поверх первой, и, переплетя их пальцы, снова затащила руку обратно в полог кровати.

С таким трудом высвободившаяся рука Юэ Инъяна вновь оказалась во власти Императора. Последствием этого поимки стало то, что её накрепко зафиксировали возле его головы. Опустив голову, Император впился поцелуем в приоткрытые от желания губы Юэ Инъяна и в то же время медленно и глубоко вошёл в его тело своим напряжённым до предела органом.

Еще не успевший сорваться с губ стон тут же был поглощен чужим языком. Руку сжало до боли, но толчки в тело отдавались ровно выверенным теплом, идеально подстраиваясь под возобновившийся ритм движений Императора.

Все движения были донельзя медленными и размеренными, оба наслаждались высшим блаженством, ничуть не опасаясь выбиться из сил в следующее же мгновение.

Иногда Император предавался с ним ласкам именно в такой манере — словно возрождая всё то глубокое взаимопонимание, что они возвращали на протяжении семи лет. Лишь в такие минуты Юэ Инъян не совершал никаких кажущихся случайными, но на деле умышленных дерзких поступков, способных разгневать Императора. И лишь в такие минуты Юэ Инъян находился рядом с Императором, видя удивительный сон о том, как в детстве родители брали его за город на реку отдохнуть, а он лежал на коленях у мамы и грелся под мартовским солнцем. Поэтому, казалось, и слов не требовалось — стоило им обоим прийти к молчаливому решению прекратить вражду, как они предавались любви вот таким мирным способом. Словно в ходе маленького ритуала, где исчезали привычные ссоры и правила, где не существовало запретных границ между их положениями, они относились друг к другу так, будто были давними возлюбленными.

Вероятно, именно благодаря подобным редким утешениям Юэ Инъян и прожил эти семь лет, и благодаря им же сегодня, спустя семь лет, трава на могиле еще не выросла в человеческий рост.

На пятый день после того раннего утреннего призыва во дворец, когда оба были истощены как физически, так и морально, Император с глубоким задумчивым взглядом обнял своего запретного любовника нежнее, чем обычно.

— Отдохни немного, а чуть позже я велю Сяо Шуныцзы отправить тебя обратно в Поместье генерала. Ты устал, побереги себя еще несколько дней.

Император приподнялся и принялся поправлять одежду, но никак не мог справиться с завязками подмышкой. Назло всему, ради удобства их уединения, в этой небольшой угловой башне, кроме обычной уборки, не дежурили ни служанки, ни евнухи.

Неизвестно, какая муха укусила Юэ Инъяна, но, глядя на это, он сам приподнялся, перехватил

завязки и аккуратно завязал их за Императора, заодно помогая ему надеть нижнее халатно-бельное белье, а поверх — парадные императорские одежды с драконами.

— Только сегодня ты выглядишь более-менее гладким, а обычно вечно похож на дикую кошку.

Император с улыбкой притянул к себе его всё еще поправлявшую воротник лапу-коготок и подался вперед, намереваясь клюнуть его в губы.

Однако Юэ Инъян резко отвернулся. На запястье, в том месте, где его держал Император, всё еще алели следы от тех кандалов — как же саднило.

— И снова выпускаешь когти, а? В следующий раз я повыдергиваю тебе все когти до единого!

Император все же подался вперед, правда, целовать больше не стал, а вместо этого больно прикусил его за тыльную сторону ладони.

— Сяо Шуныцзы, прислуживай здесь.

Император оттолкнул дверь, и на них обоих хлынул яркий солнечный свет, залил с головы до ног. Юэ Инъян невидящим взглядом смотрел вслед удамужляющемуся Императору и прищурился.

Возвращение в долго пустовавшее Поместье генерала, разумеется, потребовало немало утешений и объяснений.

Старый генерал, узнав, что сына сместили с должности и задержали во дворце, так переволновался, что его борода поседела добела; он спешно взял супругу и переселился в Поместье генерала, чтобы ночи напролет через знакомых наводить справки во дворце. Они уже думали о том, что если к утру вестей не будет, придется спозаранку идти в резиденцию премьер-министра искать выход из положения. А Хун Яо, вынужденная выйти к старому господину и госпоже, в этот момент утешала безутешно рыдающую пожилую госпожу. В поместье генерала стоял такой кавардак, что даже собаки лаяли и куры не утихали, когда распахнулись парадные ворота и Ли Цюаньшунь привёл домой Юэ Инъяна.

— Инъян...! — увидев входящего сына, старая госпожа бросилась к нему. Юэ Инъян отшатнулся назад, но всё же напруг последние силы и выпрямился.

— Мам, сынок в порядке, не переживай. — Эти слова Юэ Инъян процедил сквозь зубы, а его поясница и ноги мелко-мелко дрожали.

— Дай маме посмотреть, не ранен ли ты где? — На беду, старая госпожа так сильно пеклась о сыне, что вцепилась в него мёртвой хваткой и не отпустила.

— Старая госпожа, вы бы поаккуратнее, великий генерал ведь пришёл со смертной... то есть с раненым телом. — Это Ли Цюаньшунь, заметив бледное лицо Юэ Инъяна, вовремя подал голос, чтобы вызволить его из беды.

Юэ Инъян бросил на Ли Цюаньшуня свирепый взгляд: если домашние узнают, какого рода ранения он получил, ему останется только о стену головой убиться!

— Ранения? Сынок, где ты ранен? Серьёзно? Быстро! Быстро позовите лекаря! — Услышав слово «ранение», старая госпожа снова залилась слезами, которые с таким трудом сдержала, когда увидела сына на пороге.

— Всё в порядке, мама, пустяковая рана, лекаря звать не нужно. — Юэ Инъян снова зыркнул на Ли Цюаньшуня так, что у того аж позвоночник покрылся ледяной коркой. Пришлось бедняге торопливо объяснять дальше:

— Старая госпожа, не беспокойтесь, Император просто страшно рассердился и велел дать великому генералу два удара палками, дома пару дней отлежится — и всё пройдёт. — На этот раз он ведь не сморозил глупость? Во что бы то ни стало нужно было помочь великому генералу прикрыть эту ложь.

— Его ещё и побили... Инъян... — Старая госпожа гладила исхудавшее лицо сына. Ведь этот ребёнок был плотью от её плоти, как же ей было не разрываться от жалости?

— Эх... — Старый генерал, оттеснённый супругой на край, едва не вставал на цыпочки, чтобы разглядеть всё получше. Сначала он сердился на сына за неповиновение императорскому приказу, но, услышав, что Юэ Инъяна избили, тоже тяжело вздохнул про себя.

— Отец, мама, не терзайтесь из-за сына. Теперь всё позади, нужно лишь отдохнуть пару дней, и я поправлюсь. — Юэ Инъян подвёл матушку к креслу тайши во главе большой гостиной, усадил её, а сам украдкой скосил глаза на Ли Цюаньшуня.

— Верно, старый генерал, старая госпожа, теперь Император уже простил великого генерала, всё в порядке. Осталось только дождаться, когда через пару дней придёт императорский указ, и великий генерал вернётся к своим прежним обязанностям. — Ли Цюаньшунь тут же проявил сообразительность и подвёл старого генерала к соседнему креслу, усаживая его рядом с женой.

Хун Яо тут же поднесла обоим старикам чашки с горячим чаем, и благодаря этому в поместье наконец воцарился порядок.

— Евнух Ли, благодарю за хлопоты, ступайте скорее домой отдохнуть. — Больше всего на свете Юэ Инъяну сейчас требовалась кровать, чтобы просто лежать там в одиночестве и тишине. Но он не мог себе этого позволить: ему ещё предстояло разобраться со всеми делами по всему поместью, утешить родителей, так что сперва нужно было спровадить Ли Цюаньшуня, а уже потом разбираться со всем остальным.

— Великий генерал, разве вы ставите меня в затруднительное положение? Император приказал мне дождаться, пока великий генерал ляжет в постель и уснёт, и только после этого я могу вернуться и доложить о выполнении поручения. — На самом деле Ли Цюаньшунь пытался выручить Юэ Инъяна, ведь только его родители, обезумевшие от тревоги, не заметили, до посинения стиснувшего зубы лица генерала.

— Вот именно, господин. Вы ведь тоже устали, ступайте-ка лучше к себе отдохнуть, а за батюшкой с матушкой я присмотрю. — А вот послушная Хун Яо сбоку уже заметила дурное состояние Юэ Инъяна и мягко уговорила его.

— И то верно! Хун Яо, вы с евнухом Ли живо провожайте молодого господина в его покои отдыхать! Это мы оба выжили из ума, заставили его вести столько разговоров! — Старая госпожа тоже всё поняла: на Юэ Инъяне ведь живого места нет, он весь в ранах!

— Мама, сын... — Юэ Инъян попытался возразить, но старый генерал уже взмахнул рукавом:

— Чего ты ещё возишься, ступай к себе и ложись!

Когда Юэ Инъян наконец устроился на постели в своей комнате, укутавшись в тёплое пушистое одеяние, до него дошло, что он действительно дома.

Каждый здесь искренне заботился о нём — не нужно было, как во дворецких покоях, заглядывать всем в лица, проявлять предельную осторожность и ломать голову над тем, как вести сложные игры с Императором. Пожалуй, он и впрямь устал.

В итоге Ли Цюаньшунь даже не успел выйти: стоило Юэ Инъяну коснуться головой подушки и закрыть глаза, как его дыхание тут же выровнялось и стало глубоким. Поняв, что генерал уснул, Ли Цюаньшунь принялся давать указания прислуживавшим в комнате служанкам:

Нельзя самовольно переодевать его и обтирать тело, чтобы не простудился; завтра рано утром прибудет императорский лекарь, так что звать стороннего доктора не нужно; пусть проснётся и поест чего-нибудь лёгкого и питательного, этого будет достаточно.

Лишь после этого он со спокойной душой удалился.

Когда Юэ Инъян проснулся, вся комната погрузилась в сумеречный полумрак, а взглянув в окно, он понял, что уже глубокая ночь.

Усталость в теле отступила процентов на шестьдесят-семьдесят — похоже, этот сон стоил того. Вот только он не знал, разошлись ли уже родители по своим покоям. Откинув одеяло и опустив взгляд, он внезапно испытал дикий ужас: неизвестно когда и кто передел его в лунно-белые одеяния!

Его спина, только-только высохшая, мгновенно покрылась холодным потом, который ручейками покатился вниз по позвоночнику. В этот момент ему показалось, что самый мир рушится на глазах.

<http://bllate.org/book/21138/2144058>